

Рахматуллин Рафаэль Юсупович

ФРАКТАЛЬНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСТВА

Статья посвящена исследованию онтологических оснований творчества. Делается вывод, что их следует искать вне психики и вне материи. Следуя платоновской традиции, развивается тезис о существовании порождающих структур, проекция которых на реальность способна породить новую систему. В качестве обоснования этой идеи приводится феномен фракталов, когда соединение одной и той же структуры с разным материалом приводит к возникновению новых тождественных объектов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/7-1/40.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 7 (57): в 2-х ч. Ч. I. С. 145-147. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 111.7

Философские науки

Статья посвящена исследованию онтологических оснований творчества. Делается вывод, что их следует искать вне психики и вне материи. Следуя платоновской традиции, развивается тезис о существовании порождающих структур, проекция которых на реальность способна породить новую систему. В качестве обоснования этой идеи приводится феномен фракталов, когда соединение одной и той же структуры с разным материалом приводит к возникновению новых тождественных объектов.

Ключевые слова и фразы: творчество; порождающая структура; архетип; фрактал; субъект творчества; структурная аналогия; синхрония.

Рахматуллин Рафаэль Юсупович, д. филос. н., профессор
Бакирский государственный аграрный университет
rafat54@mail.ru

ФРАКТАЛЬНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСТВА[©]

Несмотря на большое количество работ, посвященных онтологии творчества, в ней остаются спорными, по крайней мере, два взаимосвязанных вопроса: а) возможно ли творчество вне человеческой деятельности? б) существуют ли всеобщие основания творческого процесса? Положительный ответ на первый вопрос мы встречаем в работах А. Н. Уайтхеда, В. П. Зинченко и Я. А. Пономарева. Так, А. Н. Уайтхед полагает, что креативные способности характеризуют не только людей, но и животных. «Организмы могут творить свое окружение», – замечает он [14, с. 173]. Далее он усиливает этот тезис, приписывая свойство творчества всем системам: «Никакая сущность не может быть отделена от понятия креативности» [Там же, с. 300]. С его точкой зрения солидарен В. П. Зинченко: «Уайтхед укорял классическую науку за ее неспособность представить креативность как основное свойство природы <...>. Он был прав <...> любой жизненный акт, в том числе и любая форма активности <...> должны характеризоваться как творческие. Это означает, что в самой организации живого <...> имеются природные, если угодно онтологические, основания создания нового» [3, с. 341]. Согласен с таким пониманием творчества и Я. А. Пономарев, считающий его необходимым условием развития любой системы, а творчество человека – одной из форм реализации этого всеобщего свойства материи [9, с. 9].

Противоположная точка зрения, которой придерживаются И. А. Бескова, А. Л. Никифоров, С. Н. Семенов и А. И. Столетов, в емкой форме выражена профессором В. Е. Кемеровым: «Творчество – деятельность человека, создающая новые объекты и качества, схемы поведения и общения, новые образы и знания» [4, с. 704].

Руководствуясь методологией лингвистической философии, можно, конечно, назвать эту проблему языковой. Из поздних работ Л. Витгенштейна следует, что метаязыка не существует, а язык, как система конвенциональных норм, предполагает плюрализм смыслов [1]. Однако и в этом случае остается вопрос об онтологических основаниях творческого процесса. Независимо от того, является ли только человек субъектом творчества, или же оно возможно и вне человеческой деятельности, вопрос об алгоритме творческого процесса остается всегда актуальным. Интересная перспектива решения этой проблемы открывается с появлением в поле научных и философских исследований теории фракталов.

Термин «фрактал» был введен в науку в 1975 году Б. Мандельбротом для обозначения подобия различных систем, возникающих в разных местах, в разное время и реализующих себя в разном материале [7]. Иногда концепцию фракталов Мандельброта толкуют слишком узко, считая, что автор применял термин «фрактал» лишь для характеристики математических объектов. Но анализ другой работы автора позволяет сделать вывод, что он не отрицал наличие этого феномена и в объективной реальности [6]. Эту точку зрения развивает, в частности, В. М. Таланов, который пишет о существовании некоего универсального алгоритма, при помощи которого творят и человек, и природа [13]. Автор находит поразительное сходство структур некоторых минералов, молекулярное строение которых было изучено только в XX веке, с орнаментами средневекового мусульманского искусства: «Фрагмент орнамента мечети, построенной в 1094 году в Египте, передает структурный мотив минерала флюоборита, а архитектурные турецкие орнаменты XIII века являются точной копией мотива кристаллической структуры некоторых силикатов» [Там же, с. 92]. С таким пониманием природы фракталов согласуются и результаты, полученные в Бруксгейвенской национальной лаборатории США С. Масловым и Т. Паном, которые обнаружили удивительное сходство способа формирования цепочек ДНК и компьютерных программ [18]. Существуют и другие примеры подобия систем и процессов, принадлежащих к разным областям научного исследования, что дает основание для согласия со словами В. М. Таланова, что «человек, будучи частью Природы, каким-то непостижимым образом, обращаясь к глубинам бессознательного, интуитивно руководствуется в своем творчестве теми же принципами, которыми творит и сама Природа» [13, с. 93].

Наше знакомство с теорией фракталов привело к мысли о её большом сходстве с концепцией синхронии К. Г. Юнга [15]. К. Г. Юнг обратил внимание на существование одинаковых событий, которые происходят в разных местах почти одновременно. Например, известно, что дифференциальное исчисление было одновременно открыто и Г. Лейбницем, и И. Ньютоном, которые не общались друг с другом и не делились своими научными проектами. Ученица и личный секретарь К. Г. Юнга А. Яффе, объясняя природу синхронии,

приводит пример из биографии Ч. Дарвина, когда тот получил свежую рукопись биолога А. Р. Уоллеса, в которой излагалась его – дарвиновская – теория естественного отбора, правда, другими словами и в более сжатом виде [17, с. 306-307]. Известно, что Уоллес не был знаком с взглядами Дарвина на теорию эволюции и жил далеко от Англии – на Моллукских островах Малайского архипелага. Сам Юнг объяснял синхрония существованием за пределами психики (в «коллективном бессознательном») неких порождающих структур, проявляющихся в индивидуальной психике в виде определенных образов. Занимаясь психотерапией, он обнаружил у своих пациентов одни и те же образы, независимо от их национальной, расовой принадлежности, возраста, пола и образования. Эти образы были названы им архетипами. Было ясно, что их онтологические основания не связаны с условиями жизни людей, особенностями культуры, языка. Эти основания являются надкультурными, надпсихическими и надматериальными феноменами. «Понятие архетипа <...> указывает на то, что в психике существуют в наличности определенные формы, которые распространены вездесущно и повсюду», – пишет Юнг [16, с. 10]. Ниже он замечает, что «феномен архетипического вида – данность более тонкая, нежели психическая, – основан на существовании некоего психоидного базиса, т.е. чего-то лишь обусловленного психическим, но принадлежащего соответственного к иной форме существования» [Там же, с. 31]. Мы обращаем внимание на то, что онтологические основания архетипа Юнг не связывал с культурно-историческим фактором, как это делает, например, Е. М. Мелетинский [8]. На этот факт указывала и А. Яффе: «Концепция всеединой реальности <...> была названа Юнгом *unus mundus* (мир, в котором материя и психика ещё не различимы или не реализованы по отдельности). Подготавливая подобную монадическую точку зрения, он указывал на “психоидную” природу архетипов (т.е. не чисто психическую, а близкую к материальной) в тех случаях, когда они появляются в синхронно происходящих событиях» [17, с. 310-311]. Юнг сам указывал на идентичность своего учения об архетипах с платоновской онтологией: «В былые времена без особых затруднений понимали мысль Платона о том, что всякой феноменальности предшествует и надстоит идея. “Архетип” – не что иное, как уже в античности встречающееся выражение, синонимичное “идее” в платоновском смысле» [16, с. 30]. На самом деле, и юнговская теория архетипов, и концепция фракталов удивительным образом согласуются с платоновской теорией идей как структурирующих Хаос в Космос начал. Более того, мы находим их сходство с аристотелевским толкованием эвристичности формы по отношению к материи, с кантовским пониманием первичности априорных механизмов созерцания и разума по отношению к вещам, гегелевской концепцией саморазвития по единым диалектическим алгоритмам, образующим природу Абсолютной идеи. Согласуются они и с религиозной онтологией, о чем мы ранее писали, исследуя онтологические основания права [10-12].

В научном познании идея эвристичности фракталов как надматериальных и надпсихических порождающих начал может быть представлена в виде метода структурной аналогии. Его суть заключается в проецировании определенной известной структуры (формы) на новое предметное поле исследования. При помощи этой формы происходит переструктурирование элементов исследуемой реальности, вследствие чего образуется новая реальность. Известно, что максвелловская концепция электромагнетизма возникла в результате сравнения автором электромагнитного поля с водной средой и проецирования гидротехнических образов на изучаемую реальность [5, с. 12-13]. В. Гейзенберг пишет, что для описания орбит электронов воспользовался образом механического маятника, который позволил ему построить новую квантово-механическую модель атома [2, с. 188-189].

Вывод. Есть основания для допущения тезиса о существовании внепсихических и нематериальных порождающих структур, способных при их проецировании на исследуемую реальность по-новому упорядочивать её элементы и образовывать другую систему-фрактал. Этим можно объяснить и явление синхронии.

Список литературы

1. Витгенштейн Л. Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс 1985. Вып. XVI. С. 79-128.
2. Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое. М.: Наука, 1989. 400 с.
3. Зинченко В. П. Сознание и творческий акт. М.: Языки славянских культур, 2010. 592 с.
4. Кемеров В. Е. Творчество // Современный философский словарь. М.: Академический проект, 2004. 864 с.
5. Максвелл Дж. Избранные сочинения по теории электромагнитного поля. М.: Гостехиздат, 1952. 685 с.
6. Мандельброт Б. Фракталы и хаос. Ижевск: РХД, 2009. 400 с.
7. Мандельброт Б. Фрактальная геометрия природы. Ижевск: ИКИ, 2010. 656 с.
8. Мелетинский Е. М. Аналитическая психология и происхождение архетипических сюжетов // Вопросы философии. 1991. № 10. С. 41-47.
9. Пономарев Я. А. Психология творчества. М.: Наука, 1976. 304 с.
10. Рахматуллин Р. Ю. Генетические источники мусульманского права // Научный вестник Омской академии МВД России. 2011. № 4. С. 43-47.
11. Рахматуллин Р. Ю. О метафизических основаниях внеисторического в праве // Молодой ученый. 2013. № 11. С. 549-552.
12. Рахматуллин Р. Ю., Семенова Э. Р. Онтологические основания идеи федерализма в свете философии права // Вестник ВЭГУ. 2010. № 4. С. 50-55.
13. Таланов В. М. Существует ли единый универсальный язык культуры? // Фундаментальные исследования. 2009. № 1. С. 92-93.
14. Уайтхед А. Н. Избранные работы по философии. М.: Прогресс, 1990. 720 с.
15. Юнг К. Г. О синхронии. М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 2003. 320 с.
16. Юнг К. Г. Структура психики и процесс индивидуализации. М.: Наука, 1996. 269 с.
17. Яффе А. Наука и подсознание // Юнг К. Г. и др. Человек и его символы. М.: Серебряные нити, 1997. С. 303-312.
18. Linux оказался бактерией [Электронный ресурс]. URL: http://www.gazeta.ru/science/2013/04/03_a_5237373.shtml (дата обращения: 23.02.2015).

FRACTAL CONCEPTION OF CREATIVITY

Rakhmatullin Rafael' Yusupovich, Doctor in Philosophy, Professor
Bashkir State Agrarian University
rafat54@mail.ru

The article is devoted to the research of the ontological foundations of creativity. The conclusion that they should be sought after out of mind and matter is made. Following Plato's tradition the author develops a thesis about the existence of generative structures, the projection of which on reality is able to give rise to a new system. As the ground of this idea the phenomenon of fractals, when the combination of the same structure with different materials leads to the origin of new identical objects, is presented.

Key words and phrases: creativity; generative structure; archetype; fractal; subject of creativity; structural analogy; synchrony.

УДК 1:091; 165.23

Философские науки

В центре внимания авторов статьи оказываются понятие «концепт» и методологические возможности его применения в области историко-философского знания. Понятие концепта берет начало своей истории в философской традиции Средних веков, но в современности приобретает новые значения, которые чаще всего фиксируются в лингвистике и языкознании. В статье предлагается раскрыть понятие «концепт», учитывая его первичные дефиниции, и актуализировать его в поле исследования истории философии, где обнаруживаются возможности ее нелинейного толкования.

Ключевые слова и фразы: концепт; концептуальное поле; история философии; образ; понятие; универсалии.

Ромашенко Мария Александровна, к. филос. н.

Ромашенко Александр Александрович, к. филос. н.

Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А.

buk42@rambler.ru; romaschenko.al@gmail.com

**АКТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЙ «КОНЦЕПТ» И «КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПОЛЕ»
В МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ[©]**

В истории культуры и науки можно найти немало примеров того, что понятие или теория, возникшая в интеллектуальном авангарде осмысления мира и реальности, приходит в упадок и погибает, но находит свое новое второе рождение уже в иную эпоху, с иной методологией и иным мировоззрением. Причины таких эвристических взлетов и падений могут быть разнообразны и заслуживают отдельных исследований, как в рамках эпистемологии, так и в истории философии и науки. Одним из таких терминов, который обрел новое рождение в современном философском и научном дискурсе, стал термин «концепт».

В современной лингвистической, философской и культурологической мысли уже почти не вызывает сомнений целесообразность применения этого термина в его собственном специфическом значении. Вопрос звучит только о полноценном определении термина концепта и его особенных принципов осуществления в сравнении с такими, казалось бы, уже сложившимися в гуманитарной науке терминами как понятие, идея, образ, феномен. Сегодня в работах многих исследователей звучит настойчивая идея о том, что необходимо зафиксировать основные философско-семантические особенности термина «концепт» и рассматривать его в качестве паранонятийного образования [2]. Особенно это актуально для русскоязычной гуманитарной науки, где границы между терминами «понятие» и «концепт» слабо оформлены и не закреплены. Однако известный исследователь С. С. Неретина обращает особое внимание на эту проблему. Именно ее определение стало началом новой русскоязычной истории термина «концепт». В «Новой философской энциклопедии», давая определение концепта, философ пишет о том, что многие исследователи просто не заметили появление нового специфического термина, пойдя простым путем отождествления понятия и концепта, хотя при детальном анализе последнего можно обратить внимание на то, что эти два термина отличаются коренным образом [5, с. 306]. Особенность русского языка, в данном случае, позволяет не просто указать на двойственность термина «концепт», как это происходит в английском, французском и многих других европейских языках, где слово *concept* и его различные формы означает и понятие, и собственно, концепт, но также артикулировать демаркационную линию между терминами, так как в употреблении существуют два разных слова: и понятие, и концепт. Однако эта трудность может натолкнуть на мысль об искусственном характере различения этих двух терминов. Чтобы избежать таких возражений, необходимо обратиться к исходным трактовкам термина «концепт».

Как уже упоминалось выше, история термина «концепт» не линейна. Возникнув в рамках средневековой рефлексии относительно существования общих понятий, данный термин встречался в работах и более поздних мыслителей Нового времени, однако, в них он не рассматривался в качестве какого-то специфического термина и почти полностью был слит с термином «понятие» в рамках логико-гносеологической традиции.